

Никакой силы воли не хватит у малолетнего сладкоежки пройти мимо аппетитных россыпей шоколадных конфет, медленно ползущих по ленте конвейера готовой продукции в гардеробную своих красивых одежд – цветных фантиков. Стоять, сглатывая слюну, любоваться кубиками, квадратиками, пирамидками, дурманящими своими ароматами воздух и детские мечты, и не запустить руку в проплывающие мимо свежайшие конфетки, выше каких-либо сил. И уже совсем не совпадает это желание с жёстким инструктажем классного руководителя, устроившего изуверски-издевательскую для детской психики экскурсию на кондитерскую фабрику.

Меня, не отличающегося послушанием и не прошедшего тест на доверие, не взяли на эту экскурсию. Впрочем, меня не брали и на другие мероприятия, на которых пыливый мозг неординарного ребенка, его желание убедиться во всём лично, потрогать своими руками и стремление к совершеннью неожиданных самостоятельных поступков могло скомпрометировать безупречную репутацию образцовой Косинской средней школы №24 и в довершение порушить добропорядочную историю уважаемой семьи Новгородовых.

Моя мама Евдокия Андрияновна, в отличие от мудрого, тихого и реально любящего отца, – бескомпромиссный человек, желающий безоговорочного, только идеально-светлого в своём понимании, стерильно-безоблачного будущего своим чадам. Слава Богу, детей, на моё счастье, у них двое, иначе бы я не вынес нескончаемой лавины её необсуждаемых пожеланий в виде приказов, наставлений, инструкций и распоряжений с тотальным контролем под видом материнской заботы, реализация которой ложилась на наши с братом плечи.

– На нашей улице жил гармонист, – как-то, закатив к небу глаза, ударила мама в сладостные воспоминания. – Все девчонки любили его. Да и по жизни он не перетруждался, что в её понимании было критерием благополучия. – Он со своей гармошкой всегда был востребован, «и сыт, и пьян, и нос в табаке». – Но прогресс не стоит на месте, и снова, наложив строгую печать на своё волевое лицо и сменив лилейные воспоминания на приговор без права на обжалование, продолжила она: – На смену двухрядной гармонии пришёл голосистый баян, в связи с чем, дорогие мои дети, вы пойдёте учиться в музыкальную школу по классу баяна. Из уважения к вашему отцу (хотя в то время уже произошёл разрыв их отношений) вас туда приняли без экзаменов.

И, приводя приговор в исполнение, первого сентября после уроков, когда вся ребятня бросилась догуливать последние часы летних каникул, мы с братом Анатолием были этапированы в музыкальную школу под конвоем гордо задравшей голову мамы Дуси, реализующей свои планы эстетической направленности. Смотрите! Завидуйте! Мои-то вот какие!!! В музыкалку идут! Жалко только, что для пушей убедительности и подтверждения предмета гордости, тащить с собой баян было крайне

неудобно и тяжело, а тем более весело и непринуждённо размахивать им, демонстрируя причастность к «вечному и прекрасному», как это делают утончённые позёры-скрипачи, элегантно помахивая футляром со своим инструментом.

Признаюсь честно, из всех музыкальных талантов у меня был всего один – это безоговорочное уважение директора музыкальной школы к моему отцу. В связи с чем я в своём счастливом детстве испытал на собственной шкуре, вместе с воспитанием чувства прекрасного, все этапы становления мировой религии в виде православного смирения и католической инквизиции одновременно.

По пути в музыкалку, тяжелее всего оказалось проходить мимо хоккейной коробки, на которой мои одноклассники гоняют клюшками теннисный мячик, мысленно представляя себя уже в зиме, когда наконец-то встанет настоящий лёд, и этот минимячик полноправно будет заменён на настоящую шайбу, проходить мимо своей мечты, мимо того, что кипит в тебе ядерным реактором, что заполняет тебя всего-всего без остатка, будоражит лучшие порывы неуёмной души, мимо настоящей борьбы, скорости, столкновений, разбитого носа, содранных в кровь локтей и коленок и неопишемого блаженства от рвущего голосовые связки, радостного крика: «Го-о-л!!!» Такое равносильно экскурсии на кондитерскую фабрику, это даже круче настоящего христианского смирения.

После чего, наступив на горло собственной песне, переступаешь порог музыкального храма, где невольно ищешь глазами табличку: «Оставь надежды, всяк сюда входящий!» По-моему глубококому убеждению, казематы Бутырской тюрьмы и это культурное заведение строились по одному проекту. Класс для игры на баяне был пугающе узким и длинным, наверное, потому, что он предусмотрительно был оборудован шумопоглощающими панелями, чтобы наружу не вырвался ни единый звук: ни рвущие душу стоны попавших сюда детей, ни издевающиеся над музыкальным слухом баянны завывания, отдаленно напоминающие мелодии творческих произведений, усиленно перевертываемые нерадивыми учениками. И как последняя точка в этой ледяющей крови картине, строго посередине узкого, пугающего своим видом класса-камеры, как в фильмах про «застенки гестапо», стоит наводящий ужас одинокий стул с предметом пыток в виде потрёпанного сотнями измученных детских рук баяна.

Положив на эшафот культуры три месяца беспросветной жизни, я, к удивлению даже для самого себя, освоил гамму «до-мажор» и нетленное произведение «Дождик», исполняемые двумя пальцами. И как высший, для меня, пилотаж игры на баяне, единожды нажимая третьим, но только на клавишах для правой руки, потому что исходную кнопку с вмятинкой для трывкания левой рукой мне с горем пополам обнаружить удаётся, но совместить игру обеими руками, это уже запредельные требования для моих музыкальных возможностей даже под угрозой дополнительных занятий. Одна отрада в выпавших на мою долю культурных страданиях – по пути в музыкальную школу завернуть к хоккейной площадке и, несколько минут завидуя, наслаждаться игрой одноклассников.

* * *

Температура в салоне автобуса несколько не отличалась от пощипывающего щёки морозца за бортом, при одной только разнице, что здесь не гулял прохладный ветер, подло забирающийся под пижонски распахнутый воротник. Окна в салоне, улавливая выдыхаемый пассажирами изо рта пар, нежно раскладывали эту влагу в соавторстве с морозом на стёклах, разукрашивая их неповторимыми сказочными узорами и отделяя нас этой нерукотворной красотой от всего происходящего на улице.

Подъезжая к остановке, водитель стал притормаживать, но автобус, потеряв сцепление на обледеневшей дороге, качнуло и стало бросать из стороны в сторону, а потом понесло в занос. Водитель не стал упираться, чтобы во что бы то ни стало остановиться именно на остановке, а наоборот, отпустив тормоза, слегка подгазовывая, выровнял машину и, убедившись в безопасности, уверенно остановил автобус на приличном расстоянии от ожидающих пассажиров, недалеко от входа в Центральный Дом культуры. Он специально открыл только переднюю дверь, поджидая спешащих от остановки людей, чтобы лично извиниться перед каждым за доставленные неудобства и переживания, хотя недовольных не было, а даже наоборот, выходящие выражали своё почтение за его мастерство. А для меня это вообще стало настоящим приключением: теперь-то я уж точно стану гвоздём внимания и во всех подробностях, да с приукрасами, буду рассказывать друзьям, как чуть было не попал в автомобильную аварию. И с этими радужными мыслями, выпрыгивая из автобуса, я увидел, как из боковой двери Дома культуры с клюшками наперевес на хоккейную площадку выхо-

дят мои друзья-одноклассники, одним только своим видом цепляя меня за самое живое и показывая, кто здесь настоящие герои.

Неожиданно от них отделился и, как на родного, бросился на меня сосед по парте Серёга Денисов.

– Лёха, какой ты молодец, что приехал! «Грач», Витька Грачёв, заболел, в воротах стоять некому. Выручай.

Такие понятия, как «друзья», «честь класса», «люблю», «хочу» и «надо» резко встали плечом к плечу по одну сторону душевных баррикад, сплотившись против одинокого «приходится», и не очень-то и сильной, мягко выражаясь, тяги к прекрасному. Борьба была недолгой. Где-то в закромах Дома культуры ребята откопали старую вратарскую маску. Слегка порванная крага надёжно защищала правую руку и уверенно удерживала клюшку, а забытая кем-то шапка-ушанка, зажатая ладонью и привязанная к левой руке подкладкой наружу, достойно заменила вратарскую ловушку. Экипировку венчали высокие валенки и плотно завязанная под подбородком шапка. Они превратили меня в настоящего голкипера.

– Вперед, Лёха! Мы в тебя верим, – по-дружески похлопывая клюшками по заднице, подбадривали меня довольные одноклассники, выходя на лёд. Последним припечатал свою клюшку Серёга, как бы извиняясь за то, что втащил меня в эту авантюру.

Лёгкая дрожь в коленках, мандраж, нервное напряжение и слабая неуверенность улечивались с каждым шагом по льду настоящей хоккейной коробочки. Уверенность входила в каждую клетку моего задыхающегося от счастья организма, наполняя решительностью напряжённые мышцы. И когда я занял створ ворот, непоколебимость того, что не то, что шайба, ни одна снежинка не влетит в защищаемые мной ворота, уже витала над всей площадкой и накрывала тех, кто осмеливался взглянуть в прорези вратарской маски, в которых неимоверной решимостью сверкали мои сверхсредоточенные глаза.

Школьный физрук Зотыч, на дилетантском уровне разбирающийся в хоккейных правилах, но пользующийся непререкаемым авторитетом учителя физкультуры, поднёс свисток ко рту. Перед тем, как дать сигнал начала игры, ещё раз оглядел игроков. Остановил на мне свой взгляд и подозрительно долго всматривался во вратарскую маску, стараясь узнать, кто под ней скрывается. Так и не найдя в своей памяти подходящей кандидатуры на это вратарское инкогнито, вбросил шайбу, сопровождая начало игры пронзительной трелью свистка.

Наши вечные соперники с первого дня учёбы в школе, заносчивые ребята из параллельного класса «А», по воле первенства в алфавите считающие себя лучшими во всём, сразу же бросились в атаку, пытаясь на первых же минутах забросить шайбу, а то и две, чтобы потом в комфортных условиях размазывать противника по всей площадке, доводя счёт до разгромного результата.

Первый же бросок по моим воротам от синей линии, рассчитанный на силу и точность, я легко парировал, немного выкатившись под удар, сократив угол обстрела. Приняв шайбу на грудь, я сгруппировался, и, упав на колени, надёжно прижал её ко льду, выставив перед собой для защиты клюшку, сродни русским витязям, укрывающимся богатырским мечом от налетевших, как вороньё, «А-шек». Второй и третий, десятый броски для меня слились в сплошной навал, которые я отражал, всегда вставая на пути шайбы в нужном уголке ворот по какой-то интуиции, звериному чутью, реакции мангуста и явно Божьей помощи. Атаки сыпались как из рога изобилия, но я был в ударе, разрушая их хитросплетения, направленные на внутреннюю часть сетки наших ворот.

Воодушевлённые надёжностью защитных редутов, мы стали контратаковать, а к третьему периоду уже плотно обосновались в зоне обороны «А-шек», но, к сожалению, безрезультатно. И всё-таки на последних минутах матча наши нападающие: Олежка Шукаев, Травкин Юрка и Жека Романов, – под стать легендарной тройке: «Михайлов, Петров, Харламов», – закрутили таковую карусель у «А-шных» ворот, в суматохе которой даже непонятно, кто и как, всё-таки протолкнули шайбу за заветную линию, что мгновенно зафиксировал Зотыч своим свистком. От моего радостного крика «Го-о-л!!!» чуть не полопались стёкла в доме культуры, ведь я впервые почувствовал непосредственную причастность к заброшенной шайбе.

Придя домой, я светился, как новый пятиалтынный, и сам, без напоминаний и угроз, что для домашних стало полной неожиданностью и как-то подозрительно, под предлогом выполнения музыкального домашнего задания, разложив перед собой партитуру, стал изрыгать из баяна звуки, сопровождая их своим надрывным воем, вычитывая нараспев раскладку слогов над нотами:

Дождик, дождик, кап да кап,
Ты не капай долго так.
Дождик, дождик лётся,
В руки не даётся.

Ничего другого я не знал и не умел, поэтому гоняя эти четыре строчки по кругу, сопровождая их тремя нотами и не всегда попадая в такт, я за полчаса изрядно поиздевался над слухом присутствующих и не успевших разбежаться мамы Дусиных гостей. Окончательно закрепив у соседей ненависть к гармошко-баянным звукам, я с чувством выполненного долга взялся за выполнение своих домашних обязанностей.

Работу я выполнял чисто механически, в мыслях находясь всё ещё там, на хоккейной коробочке, продолжая и продолжая парировать, блокировать, отбивать и ловить шайбы, внутренне упиваясь наслаждением гармонии духа и тела.

Еле дождавшись следующего матча, я уже без малейших колебаний и угрызений совести облачился в импровизированные вратарские доспехи, и, защищая честь и флаги родного «В» класса, без трепета и страха, самозабвенно бросался под каждую шайбу, прерывая её полёт к заветной сетке за моей спиной. Синяки на моем теле появлялись как грибы после дождя, но боль от жёстких столкновений, ударов клюшками, пушечных выстрелов шайбой были абсолютно ничем, я их даже не замечал, я упивался счастьем. На льду я творил чудеса вратарского мастерства, потому что здесь и сейчас сошлись мои грёзы, встретились мои мечты, такие разные, но чистые, как первый снег, заполняющие душу и сердце без остатка. У бортика хоккейного счастья, рассыпав на плечах выбивающиеся из-под шапки золотые волосы, стояла богиня красоты, внучка одного из верховных богов Олимпа, властелина морей Посейдона, небесная Лариса – греческая птица «Чайка», но волею злого рока одноклассница наших соперников Лариса Ширинова. Она светилась великолепием и изяществом и словно пронзала реальность неземными лучами своих глаз, наблюдая за игрой.

Очередной бросок я поймал импровизированной шапкой-ловушкой, вытащив стопроцентную шайбу из девятки, летевшую под перекрестье перекладины и штанги ворот, услышав возглас её разочарования. Как жаль, что классы «В» и «Б» разделены, подобно семьям Монтекки и Капулетти, где в борьбе за честь класса я уже в сотый раз, проявляя самоотверженность и бесстрашие, вытаскивая шайбу из заварухи у своих ворот, лишил объект своего воздыхания неземной радости: в восторге прыгать с криком «Го-о-ол!» Зато наши бомбардиры: Денисов, Черников, Травкин, Шукаев, – накидали им столько шайб, что болельщики «Бэшек» понуро разбрелись в поганейшем настроении, не дожидаясь финального свистка, который в очередной раз зафиксировал мою сухую серию стояния на ноль.

Эту победу я отметил дома сорокаминутным «Дождиком» и туда-сюда гоняемой гаммой: До-ре-ми-фа- соль-ля-си-до, До-си-ля- соль-фа-ми-ре-до, До-ре-ми-фа- соль-ля-си-до, До-си-ля- соль-фа-ми-ре-до. Наша преданнейшая собака «Злючка» знаменитой породы «ДВОРтерьер», не в силах исчезнуть из закрытого помещения, надрывно и безостановочно лаяла, выла и скулила, пытаюсь переорать мои экзерсисы, намекая, что её звуки всё-таки приятнее для любого слуха, включая собачий, нежели мои баянные издевательства. И если бы у неё хватило соображалки, она вполне могла бы заменить меня на музыкальном шумоизуверском поприще, сохраняя в целости хотя бы свои уши и нервы.

Успешно закончив час «музыкального садизма», отводящего подозрения от моих регулярных прогулов, и наспех сделав школьное домашнее задание, я побежал на озеро, где мой старший брат Анатолий с друзьями уже очистили лёд от снега. И, соорудив подобие хоккейной площадки, они разделились на две команды, экипированные самое что ни на есть по-дворовому: кто на коньках, кто в ботинках, кто в крагах с профессиональной клюшкой, а кто в телогрейке и валенках, но в шлеме. Складывалось ощущение, что вся эта неумная ватага поймала одинокого заблудившегося хоккеиста, прямо здесь раздела его догола, поделила доставшееся обмундирование и в наспех надетых трофеях вывалилась на лёд, представляя себя, как минимум, второй сборной Советского Союза. Однако в настоящем хоккее главное не внешнее, главное, чтобы были шайба, клюшка и огромное желание. С таким настроением созданные по принципу детской считалочки команды начали ледовую битву, которая по накалу страстей сродни финалу за золотые Олимпийские медали.

Прибежав и даже не переведя дыхания, я выскочил на поле, сразу вкатившись в жёсткую схват-

ку за сохранение наших ворот. По неписаным дворовым правилам, количество игроков на площадке – в пределах разумного – не ограничено, поэтому моё появление было воспринято, как подмога проседающей команде брата, бьющейся в меньшинстве из-за неравного количества собравшихся. При взгляде со стороны на этом поле брани только брат был единственным игроком, похожим на хоккеиста из телевизора: во вратарских доспехах, надетых по праву старшинства, приоритета и неоспоримого таланта, а также безупречного спортивного подражания, в лучшем понимании этого слова, легендарному Владиславу Третьяку. А мне, невзирая на успехи в школьном чемпионате, досталась роль защитника, которая, впрочем, ничуть не легче, если играть с полной самоотдачей. Бегая по скользкому льду в непригодных для этого тяжёлых валенках, задыхаясь от избытка свежего воздуха, выворачивающего наизнанку лёгкие, и разливающегося по организму неопишуемого чувства счастья, я даже умудрился быть в мгновениях от чуда, в восторге вскинуть руки, забросив мощным щелчком шайбу.

Но уже обыгранный и оставшийся за моей спиной Мингалёв Валерка неестественно извернулся на скользких, разъезжающихся ногах и, падая, выбил шайбу прямо из-под удара, оставив меня с занесённой для щелчка клюшкой на неопределённый срок, может, до завтра, а может, и на долгие-долгие годы.

К сожалению, эта, как и все другие подобные, игра, в которой команды стояли до победного, на смерть, как на Куликовом поле, в которой никто не хотел уступать, закончилась не финальным свистком, а опустившимися сумерками и потерянной в сугробе последней шайбой.

Непримиримые соперники на льду, после хоккейных баталий готовые «жизнь положить за дружи своя» расходились, еле передвигая от усталости ноги, смеясь и весело подтрунивая друг над другом, с одной мечтой: быстрее здесь вновь скрестить клюшки за каучуково-резиновый чёрный диск.

Мечты – на то они и мечты, чтобы к ним пробиваться сквозь тернии бытовых трудностей, школьных занятий, домашних заданий, кучи разных неотложных дел и взрослых поручений, наваливающихся неподъёмным грузом на детские плечи.

Всё-таки взрослые – это интересные люди, которые, по-моему, никогда не были детьми. Они думают, что гораздо лучше знают, что сейчас полезнее и нужнее мне, живущему среди своих сверстников своим миром, своими проблемами, закаляя свой характер и выстраивая те отношения, в которых мне ещё предстоит жить да жить, дай Бог, до ста лет.

* * *

К весеннему потеплению я уже скатился в стабильные троечники, иногда разукрашивая школьный дневник даже неудами, сам удивляясь и радуясь случайным четвёркам и ещё более редким пятёркам, залетающим по старой памяти в учительский журнал. Зато за пределами школы произошло моё настоящее становление: я клюшкой, зубами, глоткой и кулаками завоёвывал себе шрамы, имя, авторитет и любовь на всю оставшуюся жизнь.

И даже с годами, украсив голову благородной сединой, мы, вышедшие с хоккейной площадки, всё равно остаёмся детьми. Детство не покидает нас никогда, лишь меняя одни игрушки на другие, оставляя бессменными воспоминания, нереализованные мечты и не забытые шайбы. И только годы, наслаиваясь друг на друга, заменяют в калейдоскопе жизни светлые радужные стёклышки надежды и беззаботного счастья на серые зеркала действительности и чёрные камни потерь с быстрой сменой разнообразных лиц, явлений, событий, образов, впечатлений и уходящих лет.

Атаки ледовых баталий переросли в боевые атаки настоящей войны. Любимая хоккейная площадка сменилась горами полыхающей Чечни. На смену беззаботным дружеским посиделкам пришли допросы бандитов и преступников разных мастей. Калейдоскоп жизни закрутил разноцветные пазлы моей судьбы, иногда демонстрируя какой-то яркий фрагмент, заостряя на нём внимание, затем отодвигая его в дальний уголок этой недетской философской игрушки, чтобы потом под другим углом показать его, высветить иным светом, обрамляя совсем другими красками понимания.

Получив в воздушно-десантных войсках пожизненную прививку «Никто, кроме нас» и стократ закалив в Московской высшей школе милиции МВД СССР чувство обострённой справедливости, я шагнул из хоккейной коробочки в удивительно разнообразный и непредсказуемый мир уже настоящим защитником – Оперуполномоченным московского уголовного розыска.

Нисколько не сомневаясь, что мир ждал только моего прихода в правоохранительную систему, чтобы, наконец-то, вбить осиновый кол и забить последний гвоздь в крышку гроба распоясавшейся преступности. Получив хоть и синий, но всё-таки диплом оперуполномоченного с высшим юридическим образованием, я досадовал лишь об одном, что создать беспреступный рай мне придётся только на отдельно взятом участке местности, ограниченном зоной административного действия 65-го отделения милиции города Москвы.

– Молодой, прости, забыл, как тебя зовут. На тебе денег, сбегай за водкой, – обескуражил меня, не успев я переступить порог теперь уже моего кабинета, как будто мы в какой-то шарашкиной конторе, а не в милиции, опоздавший на моё представление худющий, как жердь, опер Андрей Михайлович Першин, которого мне и определили в напарники.

– Да, время пока ещё рабочее, – попытался я возразить. – А вечером я обязательно проставлюсь. Что, я не понимаю: прописаться в коллективе – святое дело, да и наставника из РУВД Платонова Сергея Константиновича пригласить надо.

– Погоди ты с пропиской, шустрый какой нашёлся. Делай, что тебе старшие говорят.

Назавтра и в последующие дни вплоть до выходных я бегал по району, высунув язык, как добытчик горячительных напитков, потому что Горбачев, будь он неладен со своим сухим законом, подложил большую кучу дерьма в вечерние посиделки и межчеловеческие отношения. Но местная алкашня и лица с так называемой «низкой социальной ответственностью», знающие в районе посредством «сарафанного радио» абсолютно всё, с которыми приходилось разговаривать на одном языке, балансируя, чтобы стать для них своим, но не опускаясь на их уровень, уже к концу недели без проблем давали наводку: в какой магазин, сколько и даже в какой таре завезли «зелёного змия», после чего в результате дипломатических переговоров на высшем уровне с заведующим либо директором магазина я возвращался в храм правоохранительной системы с булькающей добычей и скрытно от всевидящего начальства передавал её Андрею Михайловичу. «...Старший приказал...». Перекладывая ему в стол бутылки с огненной водой и мило улыбаясь, я думал: «Когда же ты, сволочь, наконец-то напьёшься? И когда мы приступим к настоящим оперативным делам и раскрытию преступлений?»

– Лёшка, ты вроде десантник?! – в полуутверждающем, но каком-то шутиливом тоне спросил Першин.

– Заместитель командира взвода, старший сержант воздушно-десантных войск, – с гордостью, но чувствуя подвоха, отрапортовал я, надеясь, что хоть эта строка в биографии заставит его с уважением относиться к моей скромной персоне.

– Отлично! – хлопнул он ладонью по лежащей перед ним телефонограмме, и озорной огонёк блеснул в его глазах. – Слетай в первую городскую больницу, опроси «парашютиста», а уж потом займёмся розыском и опросом тех, кто его с восьмого этажа выбросил.

Это было обидно и неожиданно: после столь длительного сокрытия от меня материалов, заявитель, свидетелей, подозреваемых и вообще каких-либо бумаг, связанных с реальной работой уголовного розыска, так опустить до разбирательства какой-то бытовухи.

– Да, кстати, водку свою в большом сейфе забери, у меня этого добра и без твоей хватает. А गया я тебя для того, чтобы ты территорию свою узнал, землю ножками протопал да с алкашнёй и влиятельными людьми на районе перезнакомился. Для опера это кладёшь информации. Поверь, не единожды пригодится.

Над «парашютистом» смеялась вся больница. Человек из азиатской страны, снимая квартиру в нашем районе, пригласил к себе для утех двух девушек легкого поведения. Не знаю, зачем ему одному потребовались сразу две жрицы любви и что уж такое он им предложил, но данное предложение оказалось, видимо, за гранью даже их низкого отношения к морали. В связи с чем, дамы, имея численное превосходство а также преимущество в росте, весе и физической подготовке, отстаивая остатки девичьей гордости, распахнули фрамугу и выбросили несостоявшегося Дон Жуана в окно. И всё бы было ничего, если бы квартира не находилась на восьмом этаже.

Случись со мной такое, я умер бы от страха, пролетая ещё в районе седьмого этажа. А этот «бандерлог», наверное, привыкший падать с макушек высоченных пальм, извиваясь и планируя, стал прицеливаться, как бы ему удобнее упасть и, главное, не нашампуриться на колышки, палочки,

арматурины, которые бабушки-старушки в обилии повывтыкали под балконами для подвязывания к ним многолетних цветов и всевозможных растений. Приземлился он аккуратно между двух полутораметровых колея, сломав только ногу и руку, да ещё стгоряча вскочил и попытался выбежать на дорогу, где его и подобрала скорая помощь, доставив в первую городскую больницу.

Распятый на больничной койке специальными медицинскими приспособлениями, парашютист, увидев в моих руках красное удостоверение сотрудника уголовного розыска, мгновенно вспомнил все свои грехи, деяния и даже неосуществлённые извращённо-противоправные намерения, резко дёрнулся в безнадежной попытке скрыться, спрятаться, прикинувшись больничной ветошью. Но привязанная к ноге гиря, переброшенная через кронштейн, намертво приковала его к постели. Другая попытка в одночасье забыть русский язык, незамедлительно была пресечена экспресс-обучением «великому и могучему», начиная с выражений: «вызов консула» и «немедленная депортация». Понимая, что ему не отвертеться, он стал давать показания, прерываемые громким смехом соседей по палате.

Получив письменное объяснение случившегося и словесный портрет его обидчиц, под который подходили все девушки от восемнадцати и старше, ведь с его слов мы, славяне, все на одно лицо, я отправился исполнять вторую часть марлезонского балета – розыск лиц противоположной стороны конфликта.

Под большим секретом за обещанное вознаграждение в виде жидкой валюты: бутылки «топориков», по-иному, портвейн «три семёрки», – никогда не трезвеющий мой новоиспечённый знакомый Серёга шепнул адресок, где снимают квартиру приехавшие с Украины девушки для расширенной торговли не только семушками.

Получив ценную информацию о местонахождении подозреваемых, я в предвкушении своего первого раскрытого преступления, опрометью, на что только был способен мой спортивно подготовленный организм, бросился в «контору» доложить оперативную обстановку заместителю начальника отделения по розыску. Ничего не замечая на своём пути, пулей влетев на второй этаж и уже в мыслях принимая поздравления за поимку группы лиц, покушавшихся на жизнь гражданина иностранного государства, сбил с ног выходящего из своего знаменитого двенадцатого кабинета старшего оперуполномоченного Смирнова Владимира Владимировича. По возрасту он был не намного взрослее нас, всего на три года, но обращались к нему все, даже убелённые сединами сотрудники, по имени отчеству из уважения к его звериному оперативному таланту, резкой прямоте и не по годам жизненной мудрости.

– Ты охренел? – только немного другими словами выразил Владимир Владимирович своё отношение к нашей встрече. Смирнов вообще-то не ругается матом, он на нём разговаривает. – Тебя Першин так летать научил? – поднимаясь, прохрипел он. – Был у нас в отделении один «Першинг», дали ему напарника, появился «Першинг-2», теперь конец всей конторе, разнесут всё по кирпичикам, – выдал он этот монолог исключительно на витиеватом ненормативном лексиконе и, видя моё возбуждённое состояние, произнёс: – Успокойся. Зам по розыску вместе с твоим Першиным в РУВД уехали, так что выдохни, заходи ко мне и расслабься.

Легко сказать, расслабься, когда шило в заднице, да пятки скипидаром намазаны.

– Владимир Владимирович, а может, ты сможешь мне задержать подозреваемых? – скороговоркой выпалил ему всю исходную, начиная с сексуальной озабоченности иностранного гостя. – Чего там! Адресок есть, сбегает, задержим, пока они не съехали, и всё. Дело сделано, и мы в шоколаде.

– Значит, так! Заруби себе на носу, а ещё лучше на всех выступающих частях твоего организма, – и движением руки конкретизировал место, которого можно лишиться, нарушив главную заповедь опера. – Как бы ты ни относился к своему информатору, надо, в первую очередь, просчитать и организовать задержание злодеев так, чтобы твоего человека на районе не то, что подозревать, на него даже подумать не посмели. И в качестве дружеской помощи: там, внизу, в дежурке кинолог с собакой скучают, приезжали по вызову на квартирную кражу, а обратно их отправить машины нет. Так быстрее хватай их и какие-нибудь вещи с места происшествия и впереди собаки беги на квартиру к этим шалавам. А это уж потом пусть судья с адвокатом под присягой собаку допрашивают, почему она ментов именно в эту квартиру привела.

Дамы оказались девушками приятной наружности и привлекательных форм, хотя это, пожалуй, и всё, что положительного можно сказать в их адрес. Наглые хабалки с Черкизовского рынка по

сравнению с ними выглядят воспитанницами института благородных девиц. В выкрутасах ненормативной лексики, которой они нас встретили, дамы смело могут посоревноваться с Владимиром Владимировичем. И единственное, чем сдерживалась их агрессия в физическом выражении, это наличием расположившейся на кухне немецкой овчарки, которая собачьим чутьём улавливала попытки провокаций и грозным рыком с оскалом клыков быстро наводила порядок, пресекая искушение совершить любое маломальски резкое движение.

Однако мадам, которая, ёрничая и глумясь над участковым и приглашёнными понятыми, представилась Мальвиной, громко костеря и осыпая бранью присутствующих, грациозно дефилировала по комнате из угла в угол, демонстрируя свои женские прелести, не сильно скрывааемые облегающей футболкой и просвечивающейся в солнечных лучах длинной юбкой. Притупив бдительность своими бесцельными хождениями, оказавшись в двух шагах от коридора, она резко рванула к открытой входной двери, решив проскочить между мной и комодом.

Дословно исполняя инструкцию Владимира Владимировича, ничего не трогать руками и, не дай Бог, никакого рукоприкладства, а то по прокуратурам замаешься кататься, я автоматически, по всем правилам хоккейного мастерства, прижав локти к животу, согнувшись и чуть приседая, сделал резкое движение назад, подставив бедро под несущуюся, как паровоз, Мальвину.

Ни один арбитр не зафиксировал бы нарушение правил за задержку соперника руками, и легендарные мастера хоккейной защиты: Александр Рагулин, Валерий Васильев, Вячеслав Фетисов, – явно бы остались мной довольны. А вот некоторые зрители, включая участкового и понятых, даже насладились классически проведённым силовым приёмом, где вместо бортика был использован старинный комод.

Обалдела даже собака, издав непонятный крик вместо лая, так и осталась созерцать удивительную картину с открытой пастью: Мальвина, перелетев через мою спину, описав по воздуху красивый полукруг длинными ногами, распласталась на полу, накрыв голову задравшейся юбкой, обнажившей аппетитные ягодички. Вскочив на четвереньки и не до конца понимая, что это было, застыла в этой позе, ориентируясь в пространстве через задравшуюся на голову юбку, скрывающую от глаз окружающую действительность. После чего, придя в себя, поднялась с ошарашенным видом, грязно выругалась и, как побитый щенок, медленно побрела обратно в комнату с низко опущенной головой. Единственно оставшийся невозмутимым в данной ситуации участковый, навидавшийся за свою службу и не такого, спокойно внёс в протокол: «...при попытке к бегству гражданка, назвавшаяся при задержании Мальвиной, самонадеянно не рассчитала промежуток между наклонившимся сотрудником милиции и естественным препятствием, упала без физического воздействия на неё с чьей-либо стороны, что было подтверждено подписями присутствующих понятых.

С матом, руганью и ежесекундными провокациями доставленные в отделение милиции барышни вдруг резко поменяли стиль своего поведения, что вызвало культурный шок теперь уже у меня, пока ещё не привыкшего к коварству женщин. Перед дежурным офицером стояли девочки-недотроги, наивные паиньки, абсолютно не понимающие, почему они оказались в столь неприемлемой для их нравственно-возвышенного образа жизни организации. И что утончённая психика благородных девиц не выдержит даже пяти минут пребывания в этом ужасном учреждении, где они могут случайно встретиться с настоящими злодеями, которых они боятся видеть даже по телевизору. Поэтому руководство должно незамедлительно попросить у них прощения и, рассыпаясь в извинениях, проводить до выхода, охраняя от нежелательных встреч, а негодяев, доставивших их в столь мерзкое заведение и нарушивших их умиротворённый безмятежный покой, необходимо безбожно наказать, чтобы неповадно было приставать к порядочным девушкам.

Для принесения извинений при отсутствии начальника и зам по розыску, дежурный пригласил Смирнова, чтобы понимать, что ему дальше делать с милыми барышнями. Не в сильно благом расположении духа спустился Владимир Владимирович, которому опасно попадаться под горячую руку, и без всяких предисловий, на доходчивом, совсем нелитературном языке объяснил дамам всю их жизненную сучность, (именно «сучность»). И тут же, не меняя выражений и эпитетов, наорал на остолбеневшего дежурного:

– Почему задержанные до сих пор ещё находятся в обезьяннике и тем более вместе? Немедленно растащить их по разным кабинетам!

Оказав барышням не очень дружеский приём без цветов и фанфар, развеяв робкую надежду на

замаячившее скорое освобождение, Смирнов, мигрируя от девушки к девушке, появляясь то в одном, то другом кабинете, как ужас, летящий на крыльях ночи, вынуждал их давать правдивые показания, умело манипулируя информацией, полученной при опросе подельницы, а мы чётко фиксировали эти покаянные объяснения, раскручивая на дальнейшие чистосердечные признания.

В итоге мы подняли сорок пять эпизодов, как наши симпатичные жрицы любви, приглашаемые в квартиры неверных мужей, бабников и иных любителей острых сексуальных ощущений, расслабляли потерявших остатки мозга «мачо». Затем, уходя, прихватывали с собой деньги и ценности, предоставив мужу-кобелю возможность хлопать глазами и объясняться с возвратившейся из отпуска женой, куда могли деться все семейные накопления и её ювелирные украшения.

Вернувшийся зам по розыску немедленно доложил руководству о достигнутых успехах, после чего, в мгновение ока, понаехали кураторы из Главка, забрали девушек, материалы раскрытых сорока четырёх преступлений и благородно, с барского плеча, скорее для отчётности, что это всё-таки произошло на нашей территории, оставили нам один эпизод с парашютистом.

Вечером за рюмкой чая мы с упоением наблюдали, как в теленовостях специальный корреспондент передачи «Петровка-38» Людмила Скальская расхваливала специалистов Главного управления уголовного розыска, обезвредивших группу воровок на доверии, избличивших злоумышленниц в совершении сотни нераскрытых преступлений. А об операх шестьдесят пятого отделения милиции в репортаже не прозвучало ни слова, хотя по моим подсчётам добрая половина этих преступлений раскрыта нами. Я, конечно, понимаю, чтобы докрутить задержанных, требуется серьёзная кропотливая работа, немалое мастерство и огромный опыт матёрых сыщиков главка да ещё много-много того, о чём не пишут в учебниках, нарабатываемое своим горбом, путём проб и ошибок на грани риска не только репутацией, а порой, и собственной жизнью. Но в хоккее всё же как-то справедливее – в зачёт идут очки не только форварду, забившему гол, докрутившему шайбу в ворота, но и партнёру, а то и нескольким, организовавшим атаку и отдавшим голевой пас.

Поэтому, пройдя за тридцать пять лет милицейской службы все этапы борьбы с криминалом, бандитизмом и организованной преступностью, вписав своё имя в историю современной милиции высшим офицерским званием и четырьмя крестами «Мужества», я, неожиданно даже для самого себя, вернулся на хоккейную площадку совсем начинающим защитником, застывшим в замахе для щелчка на Косинском озере сорок с лишним лет назад.

* * *

Моя неугомонная жена Алёнушка, невзирая на прекрасную фигуру, является ярчайшим представителем всех современных женщин России, объединённых единственной целью: сбросить пару-тройку килограммов, при этом не отказываясь вечерами от смачного, с прожилками, бутерброда с салом и чашечки ароматного чая с вкуснейшим кусочком киевского торта. Соединяя эти взаимоисключающие мечты, став обладателем членских билетов всевозможных фитнес-клубов, world-классов, sport-салонов, околоспортивных секций и другой попрыгущечной дребедени, не считая традиционных качалок и бассейнов, она, открыв для себя «Олимпийский» комплекс, обнаружила в нём не только бассейн, но и ледовую площадку, на которой играли не подозревающие о надвигающемся урагане эмоций, слов и предложений беззаботные хоккеисты.

Имея мужа милиционера, Алёнушка без труда вычислила организатора этих ледовых баталий Андрея Николаевича Подлегаева и расписала ему в феерических красках, выдавая желаемое за действительное, мои выдающиеся хоккейные способности на уровне, как минимум Александра Якушева. Для убедительности продемонстрировала нашу с ним фотографию, правда, в Кремлевском дворце съездов и абсолютно по другому поводу, очень далёкому от спорта, но для неё это не важно, главное – запечатлённому в рукопожатии со знаменитой легендой советского хоккея. Против такого аргумента не поспоришь. В общем, убедила она Андрея Николаевича, что на их хоккейную площадку в скором времени снизойдёт счастье в лице её благоверного супруга Алексея.

Без меня меня женив, Алёнушка, реализуя свои фантазии, невзирая на протесты в виде того, что я только ярый болельщик и с хоккеем уже почти полвека по разные стороны телевизионного экрана, одарила меня на день рождения новенькой, какую я раньше и в глаза не видел, всколыхнувшей несбывшиеся детские мечты, завораживающей хоккейной экипировкой. Сжигая за моей спиной мо-

сты, она вручила телефонный номер Подлегаева, сообщив, что он уже ждёт моего звонка, чтобы подробно объяснить, где и во сколько состоятся игры с моим участием.

В раздевалку я входил с трепетом и благоговением, как, затаив дыхание, проходят за кулисы к любимому артисту влюблённые театралы. К своему стыду, я и на трибунах-то не частый гость, всё больше смотрю хоккей стеклянными глазами оцифрованных телеоператоров, а тут вхожу в святая-святых любимой игры, начало-начал хоккейного матча. Настроившись встретить угрюмых, сосредоточенных на предстоящей битве атлетов, я перешагнул порог и попал в просторную залу, где расположился отряд гусар легучих. Лучшие представители потомков Дениса Давыдова выверенными движениями облачались в доспехи. Годами отработанными движениями, словно заточивая перед боем саблю, обматывали клюшки изолентой, при этом весело балагурили на всевозможные темы, абсолютно далёкие от предстоящей игры, залихватски, по-гусарски бахвалясь победами на личном фронте, трудовыми подвигами, заморскими путешествиями, дачными проблемами, не обходя темы о взрывных брызгах шампанского, но чаще иных горячительных напитков и последствиях их употребления.

Профессия всё-таки оказывает сильное влияние на деградацию личности, поэтому я с каменным лицом, как это делают мои авторитетные подопечные, уверенно прошёл в дальний от входа угол, чтобы занять лучшую «шконку», где бросил свои «шмотки», после чего представился, пожав каждому руку. Гусары, далёкие от блатных понятий, одобрительно приняли новичка, не переставая обсуждать свои насущные проблемы, всем видом демонстрируя, что если ты сюда пришёл, то значит, ты наш, а вот лучшее место точно не здесь, оно на льду, в борьбе, на площадке.

Действительно, только на площадке, как под увеличительным стеклом, видно, кто чего стоит. Перед игрой все выкатились разогреться, размяться, раскататься, прочувствовать нутром ставший родным на предстоящие полтора часа горячий лёд. И в этом отлаженном хоккейном оркестре, настраивающем свои партии на грандиозный концерт, появился непонятно откуда взявшийся, еле стоящий на ногах артист. Слава Богу, мой красный свитер не имел на спине ни номера, ни крупно прописанной фамилии, сокрытой от позора, а сетчатая маска, к сожалению, только частично скрывает пурпурное от стыда лицо. Такого позорища я не испытывал никогда в жизни. Впервые за сорок лет встав на коньки, я, как кенгуру использует хвост, использовал клюшку вместо третьей точки опоры, что даёт маломальскую возможность удерживать равновесие не по возрасту начинающему хоккеисту, привыкшему в далёком детстве исполнять хоккейные выкрутасы, скользя и перемещаясь по льду в тяжёлых, но привычно устойчивых валенках. Сейчас же, словно в городском парке, я катился по кругу, стараясь хоть как-то освоиться на непокорных коньках.

Сделав несколько кругов, я остановился, чтобы перевести дыхание, как вдруг прямо в клюшку влетела шайба с одной лишь целью – быть снова отпасованной автору этой передачи. Я, как мог, не совсем точно, а вернее, очень криво возвратил ему шайбу, но он, подстроившись под неудобный пас, вновь сильным броском направил чёрный диск в мою клюшку. Вторая, третья и последующие перепасовки оказались более удачными, что зажгло во мне луч надежды, и я даже как-то уверенней стал держаться на коньках, передвигаясь совсем без скорости, но и без явных попыток рухнуть, проломив своими телесами искусственный лёд вместе с холодильными установками.

– Не переживай!!! Все когда-то начинали. Некоторые даже хуже тебя, – слукавил подкативший в лихом вираже мой визави. – Меня Сергей зовут, – вновь представился он, хотя мы уже познакомились в раздевалке, так как я занял место рядом с ним, – Сергей Брусков.

– Алексей, – поскромничав назвать свою фамилию, произнёс я, почувствовав в новом друге поддержку и искреннее желание помочь хоккейному желторотику с седыми волосами.

– Ты много не бегай за ними, всё равно пока не угонишься, – напутствовал Сергей, – играй позиционно, в защите крутись больше, в круге вбрасывания, а это пусть у соперника голова болит, как тебя объехать, либо издалека, от синей линии бросать, так и вратарю легче, и команде спокойней, а я тебя подстрахую. Не переживай, навык обязательно придёт с практикой.

И крутился я в этом кругу для вбрасывания, как Хома Брут перед «Виём» в кругу, очерченном для него Николаем Васильевичем Гоголем, ничего не понимая, не в состоянии что-либо внятное сделать, только надеясь на Господа и на мастерство партнёров. В общем, первая игра прошла сродни первому прыжку с парашютом, где много эмоций и никакого осознания произошедшего.

Еле дотавив до дома окаменевшие ноги, я долго-долго не мог заснуть. На меня всполохами на-

детали разделённые почти половиной жизни чувства неопишуемого счастья игры в хоккей. Тогда и сейчас. Будоражили сердце броски и удары, щелчки и набросы, всплывали милые лица Косинских друзей с одной лишь разницей, что тогда в душе звучал оркестр, трубили фанфары, гремели литавры. Сейчас же я был крайне удручён своей неуклюжестью и неумелостью, но всё же с эгоистической ноткой самооправдания, что последний раз я гонял шайбу в необозримо далёком прошлом, и то, только в валеночно-клюшечный хоккей. С этим двояким чувством наслаждения и самонедовольства я всё-таки блаженствовал, упиваясь фактом самой игры.

В следующее воскресенье я снова творил чудеса неповоротливости, косоруконости, нерасторопности и бестолковых действий, являясь причиной всех влетевших в наши ворота голов, в общем всего того набора, за что в раздевалке устраивают «тёмную» и бьют морду. Но мой ангел-хранитель по имени Дмитрий, являясь адвокатом не только в раздевалке, но и серьёзным руководителем адвокатского бюро в реальной жизни, профессионально обходя все мои хоккейные грехи, искренне хвалил, рассматривая с разных сторон принятую мной на себя шайбу, выстреленную, как из пушки, Алексеем Селятицким. Талантливые люди талантливы во всём, и я восхищаюсь, как хоккей концентрирует в людях лучшие человеческие качества. На площадке Дмитрий Вячеславович всегда появляется в нужное время в нужном месте, перехватывая шайбу, защищает ворота, организует атаки, так же, как в жизни атакует прорву чиновников-либерасов в борьбе с ложью и искажением истории и фактов, очищая имя несправедливо оклеветанного Русского Царя Ивана-IV. Как, заложив вираж, выскакивает на ворота противника, защищая поправленные права неземного Вячеслава Михайловича Назарука – автора всеми любимого «Кота Леопольда». Он всегда там, где он нужнее всего, со своим кодексом, пером и клюшкой.

А вот за мою клюшку во время следующей игры стало и стыдно и обидно, ведь она за весь матч почти ни разу не коснулась шайбы, сделав меня на площадке обыкновенным статистом. Крылатая фраза «Никто не умеет играть в хоккей так, как не умею играть в него я» – родилась вместе с моим выходом на лёд. Поэтому, по-русски выражаясь, «... чего кобылу мучить?...», я решил поблагодарить ледовых гусар за их мастерство, терпение и дружеский приём, после чего распрощаться с ними и с хоккеем, оставив себе роль блистательного хоккеиста только в мечтах и ещё на даче, на очищенном пруду, выпендриваясь перед женой, шести и семилетними дружбанами-внуками Артёмкой и Никитой да узбеком Джамшудом, которому до сих пор не понятно принципиальное отличие клюшки от совковой лопаты.

В политике, как и в хоккее, я делаю первые шаги, но врать, а точнее переворачивать ситуацию, что всё делается исключительно только с заботой об окружающих, научился, к своему стыду, очень быстро, как по мановению волшебной палочки. Прямо по Филатову:

...Утром мажу бутерброд –
Сразу мысль: а как народ?
И икра не лезет в горло,
И компот не льется в рот!...

Лучше бы с такой скоростью учился играть в хоккей, чем политиканствовать и пытаться перекладывать с больной головы на здоровую. Но с озабоченностью на челе состоявшегося политика, наложив на скосорыленное лицо маску глубокомысленной опечаленности, что в интересах команды будет лучше, если мы расстанемся, подал руку Александру Борисову, молодому, но оказавшемуся гораздо откровеннее, стократ честнее, мудрее и чище в своей искренности.

– Алексей, – заглядывая мне в глаза и после тяжёлой паузы, с какой-то горечью в голосе и обидой на моё решение, на одном дыхании выпалил он. – Даже не вздумай!!! Если бы мой отец хотя бы пришёл и просто постоял у бортика, я был бы самый счастливый человек в мире!!! А ты... – запнулся он, подбирая и не найдя нужных слов, больше не произнеся ни звука, с какой то надеждой и благодарностью взглянул мне в глаза, крепко сжал руку, надолго задержав мою ладонь в затаившемся рукопожатии, говорящем больше любых проникновенных речей.

С годами мы все становимся сентиментальнее, но сейчас я еле сдержал слезу от искренности, простых, но трогающих душу слов. С этим рукопожатием я понял главное. На площадке мы не милиционеры, не политики, не коммерсанты и даже не хоккеисты. Вне зависимости от уровня мастерства, мы пацаны, родом из детства, которые беззаветно любят настоящую игру хоккей. Огольцы, растворяющиеся в игре до последней клеточки своего организма, не любители и не профессионалы,

а мальчишки, утонувшие душой в хоккее. Михаилу Колядову, виртуозу площадки, надев коньки, глупо плевать на санкции, напрямую затронувшие деятельность его предприятия, он больше огорчается от неполученного на скорости паса. А Филипченков Максим, воспринимающий любой проигрыш как личную обиду, будет с пеной у рта отстаивать привлечение в команду лучшего вратаря с гораздо большим энтузиазмом, чем привлечение миллионных инвестиций на свою фирму. Мы пацаны, растворённые в хоккее раз и навсегда.

На следующую игру я вышел уже с твердым настроем – делай, как можешь, а остальное доделывай, как не можешь, но биться за шайбу будешь через не могу. Главное, что я свой, и для ребят такой, какой я есть. Свой и такой же, как все – родом из детства. Такой, как два наших громилы: Игорь и Максим, только маленький, старенький и играть не умею. А эти два молодца, два гиганта, как «двое из ларца, одинаковы с лица», внешне похожие друг на друга и по габаритам, и по возрасту, с одной лишь разницей, что обаятельного жизнелюба, улыбающегося, на сто процентов соответствующего своей фамилии Добрянского Максима, компенсирует пугающе-сосредоточенный Игорь Андреев, лишь иногда одаривающий присутствующих короткой, как всполох молнии, улыбкой. Оба нападающие таранного типа с размахом рук, перекрывающим всю площадку. Я точно такой же, как братья Костылёвы, Костя Страхов, Федосов Володя и даже ростом не сильно отличаюсь, только бы нахвататься от них надёжности да умения, цены бы мне не было. И что бы уж до конца быть похожим на них, стараюсь хоть что-то скопировать из их хитросплетений. Правда, на копию это не сильно похоже, всё больше на пародию, но лиха беда начало, главное – я свой, и уж если не могу, как они, вязать залихватские выкрутасы, то стоять скалой на подступах к воротам – этого у меня не отнять.

Не отличающийся выдающимися скоростными данными, я закопался в углу площадки, сконцентрировав всё внимание на отлетевшей шайбе. И впервые боковым зрением, а может быть, родившимся сейчас хоккейным чутьём, увидел летящую на меня, как снежную лавину, несущуюся с гор, фигуру в белом свитере, увеличивающуюся с каждым мгновением в размерах, в желании отнять у меня, даже не утруждаясь на какие-либо технические действия, не видя во мне достойного противника, самое дорогое сейчас на свете – чёрный каучуковый диск, диаметром в три дюйма. Закладывая вираж, чтобы на скорости схватить шайбу, как лёгкую добычу, белый ворон с налёта воткнулся, как в бетонную стену, в одетые в красный свитер без малого девяносто килограммов живого веса, с этого момента заставившие считаться с моим присутствием на площадке.

Следующий микроэпизод я снова выиграл, не пустив за запретную синюю линию обороны Евгения Мысина, который, словно приклеивая шайбу к крюку, виртуозно фехтует клюшкой, как Д»Артаньян шпагой, уводя из-под носа, казалось бы, скользящий в твои руки снаряд. Но, выстрелив, как хамелеон языком, я слизнул шайбу с его крюка и выбросил её подальше от наших ворот, заслужив от Брускова Серёги одобрительный удар клюшкой по заднице. Затем на душевном подъёме, прервав ещё несколько острых передач, я реально внёс свою первую лепту в копилку нашей победы, отчего в раздевалке уже без стеснения балагурил вместе со всеми, вставляя едкие фразы, касающиеся собственной персоны в насмешливые комментарии ледовых гусар, случайного, по их мнению, выигрыша, при таком обилии наших ляпов на площадке. Но относительно разгромный счёт говорит сам за себя, что и у белых тоже не всё безоблачно в их просветлённом королевстве. Поэтому, почувствовав радостное удовлетворение от игры и доброжелательный настрой разгорячённой братвы, я несколько раз обратил на себя внимание со словами самокритики и потаённой надеждой на похвалу за несколько эпизодов моих микропобед, в общем хоре растаскивания лаврового венка на отдельные листочки.

Возвращение домой сопровождалось песней в душе и ностальгическим всплеском тёплых детских воспоминаний – как после очередного прогула на хоккейной площадке мне регулярно приходилось изворачиваться, отчитываясь родителям о творческих успехах на музыкальном поприще. Для чего я, как мог, изрыгал из баяна наводящие на соседей ужас звуки «Дождика» и гаммы «До-мажор», вытягивающей вместе с жилами последние нервы на фоне талантливой игры брата, успокаивающего озверевших окружающих после моих издевательств вполне переносимыми мелодиями вальсов «Амурские», «Дунайские» и всевозможные другие волны. И под это умиротворённое напевное звучание я, обрабатывая бадягой синяки и ссадины, придумывал для мамы очередную леденящую кровь историю о страшной травмоопасности музыкальных занятий, а также тернистой, скользкой и небезвредной для здоровья дороге в музыкальную школу, после которой частенько необходима медицинская помощь.

Помощь оказалась необходимой и сейчас, после того, как шайба вошла мне аккурат между элементами защиты, оставив на животе чёрный даже не синяк, а какой-то черняк, основательно встряхнув мой абдоминальный жир, расположившийся на боках и животе в виде спасательного круга. Согнувшись от боли, я только в последний момент увидел, как отлетевшая от меня шайба снова легла на крюк неугомонному Селятицкому, который умело скрывая мощный кистевой бросок за моим обездвиженным телом, вогнал снаряд прямо под перекладину наших ворот, заставив меня страдать не только физически, но и морально.

Физические болячки лечатся легким покрыванием да потиранием больного места, хотя и без этого на мне заживает всё, как на собаке. А вот душевную травму, слава Богу, есть кому лечить. Тройка наших нападающих: Борисов, Ткачев, Подлегаев, – выскочили на смену и, вырисовывая такие хоккейные узоры, что позавидуют поголовно все без исключения кружевных дел мастера, раскатываясь и перепасовываясь, бросились восстанавливать ускользающее преимущество. Их игрой не налюбоваться, как не напиться утренней росой. Но предательская шайба, со звоном ударившись о стойку ворот уже за спиной белого вратаря, отскочила точно на клюшку защитнику, который длинным диагональным пасом отрезал наших бомбардиров и подключившегося к атаке Брускова, организовав мне боевой экзамен на стойкость против двух нападающих, не дающих ни скидок на возраст, ни форы, ни поблажек дилетанту. Откатываясь спиной к своим воротам и раздуваясь, как пузырь, стараясь перекрыть как можно больше пространства перед воротами, широко расставив ноги, пригнувшись и напружинившись, готовый к жёсткому столкновению, я уже точно знал, что умру, но не предоставлю белым такой радости – вытаскивать шайбу из наших ворот. И, наткнувшись на жёсткий взгляд глаза в глаза, дрогнул белый форвард, сломался, отвернул от ворот, уходя в угол площадки, где потом просто решил избавиться от шайбы, отдавая пас уже неуверенной рукой. Шайба, ударившись об мою клюшку, подпрыгнула и медленно поползла ко мне в ноги. Заковырявшись и неумело подтолкнув коньком, чуть не потеряв равновесие, я кое-как переложил её под удобную руку и, подняв голову, увидел мелькнувший красный свитер Ткачева, заложившего вираж вдоль красной линии. Не мудрствуя лукаво, я, как смог, повторил диагональный пас, только уже в сторону белых, выведя Евгения на убойную позицию. Красивейшего гола я не видел за всю историю хоккея, которая пополнилась не только шедеврами голами, но и впервые зафиксировала в соавторах взятия ворот мою фамилию.

Этот эпизод стал пока единственным хоккейным украшением моей визитной карточки для разговоров любого уровня, вплоть до кабинетов Верховного Суда Российской Федерации, когда речь заходит о спортивных увлечениях, оставляя за скобками любовь к боксу с Александром Борисовичем Казаковским. И, размахивая этой визитной карточкой, как флагом мечты, воодушевлённый еженедельным возвратом на целых полтора часа в счастливое детство, я, как мальчишка, радуюсь, рассказывая об этом чуде – быть ребёнком в свои без малого шестьдесят лет.

Даже на встрече православных почитателей со схимонахиней Херувимой, я вставил свои хоккейные три копейки в, казалось бы, далёкую от спорта беседу, переплетая Косинские матчи сорокалетней давности с великовозрастной игрой в Олимпийском комплексе. И к великому удивлению, даже в этом кругу нашёл себе родственную душу, с такой же беззаветной преданностью отдающегося ледовым баталиям. Как-то незаметно потеряв духовную нить разговора, мы плавно перешли к душевной-земной и, чтобы не отвлекать присутствующих не совсем христианским разговорами, под предлогом глотка свежего воздуха, выскочили на улицу.

– А ты где играешь? Когда??? И в какое время? – засыпал он меня вопросами. – Да! Извини, «Вячеслав», – наконец-то представился мой собеседник.

– Да слышал я... как тебя матушка не совсем «постной» фамилией Маслов называла, – наверное, обидев его, съёрничал я. Но слово не воробей, вылетит, не поймаешь. – Прости, – поспешил загладить свою бестактность, – Меня Алексеем зовут. А время у нас действительно самое идеальное: в воскресенье с двадцати одного, когда уже все домашние дела сделаны, а спать ещё рано, и после игры, перед работой вполне высыпаясь, просто класс!!! И для души и для тела.

В глазах у него блеснула искорка зарождающейся мысли.

– А как ты смотришь на то, чтобы померяться силой с нашей командой, мы с удовольствием приедем к вам скрестить клюшки. Только наша команда называется «Туча», не в честь природной непогоды, а в благодарность организатору Тучнину, который сейчас, к сожалению, надолго уехал за пределы страны.

Я тут же схватился за телефон сообщить Подлегаеву о заманчивом предложении, пока капитан грозной «Тучи» не передумал, хотя, как я потом не раз убедился, Вячеслав всегда держит своё слово и никогда не меняет принятых решений.

Этого воскресения я ждал с нетерпением, это же совсем другой формат игры, хотя и в прежний формат я встраивался с большим трудом. Но сейчас готовилась первая межклубная встреча, на нашем уровне по накалу страстей напоминающая первую встречу суперсерии СССР – Канада 1972 года.

Первые сражения начались ещё в раздевалках, когда и наши гусары, и неуступчивая «Туча» облачились в приносящие удачу красные и черные свитера, и ни под каким предлогом не собирающиеся переодеваться в белые, чтобы хоть как-то отличаться на площадке. Поэтому в раскаляющемся ещё до игры противостоянии пришлось прибегать к правилам НХЛ и КХЛ, где принято, что домашняя игра проводится в свитерах тёмных расцветок. Переодев соперников в светлое, мы одержали первую микропобеду ещё до старта этого важнейшего матча. Хотя на площадке «Туча» тут же отыгралась, с первых же минут показав зубы, во весь голос заявила, что они настроены только на выигрыш и готовы биться на высоком профессиональном уровне. Они как вместе, так и если по отдельности взять каждого игрока, без сомнения профессионалы своего дела, что я прочувствовал при первом же силовом контакте.

После жёсткого столкновения я с колокольным звоном в голове плюхнулся на скамейку запасных, жадно глотая воздух, который, с рычанием и хрипом врываясь в мои легкие, вдруг зазвучал хриплым голосом Высоцкого,

...Профессионалам, Судья криминалом
Ни бокс не считает, ни злой мордобой, –
И с ними лет двадцать
Кто мог потягаться,
Как школьнику драться с отборной шпаной?

Профессионалам, отчаянным малым
Игра – лотерея, – кому повезёт.
Играют с партнером, как бык с магадором,
Хоть, кажется, принято наоборот...

Тучи в виде «Тучи» сгущались над нашими воротами, давление с их стороны возрастало, а мы никак не могли справиться с их быстрыми и точными пасами, выводящими форвардов на ударные позиции, и лишь титаническим трудом удавалось сохранить в неприкосновенности наши ворота.

И вот, как джокер из рукава, на площадку выскочили наши Борисов с Ткачёвым. Я, конечно, не видел вживую, как играет Павел Буре, но статусом «русской ракеты» он смело может поделиться с Александром Борисовым, который словно летает над площадкой, выбрасывая фонтаны ледовых искр из-под коньков, легко и виртуозно маневрируя на невероятных скоростях, причём, связанный невидимой, но прочной нитью выверенных пасов с Евгением Ткачёвым, закладывающим фантастические виражи в нарушение всех законов физики, чтобы, как чёрт из табакерки, появиться в нужное время в нужном месте.

Пройдя между защитников, как нож сквозь масло, и сблизившись с неуступчивым Масловым, Александр красивым финтом, даже не глядя за спину, послал шайбу на дальнюю штангу, где материализовавшийся Евгений, замкнув эту виртуозную передачу, открыл счёт, слегка дав нам небольшую передышку. Но не собирающаяся сдаваться «Туча» породила целый ураган атак, в одной из которых они по идеально наигранной схеме в три паса вывели всё того же скоростного Маслова на его излюбленную позицию, откуда он мощнейшим броском распечатал наши ворота, восстановив статус-кво.

Борьба вернулась к исходной точке, но градус напряжения уже давно зашкаливал запредельные возможности. Команды штурмом наваливались то на одни, то на другие ворота, шайба летала, почти не задерживаясь в средней зоне. Хотя я редко подключаюсь к атакам, но на своей шкуре убедился, что минута игры на площадке – это очень много, выжимает, выматывает всего без остатка, оставляя лишь совсем немного сил на рывок в сторону скамейки запасных, чтобы дать возможность быстрее выскочить на лёд передохнувшей смене.

Вколотив ещё две безответные шайбы в наши ворота, в которых, несомненно, была доля моей ответственности, «Туча» начала склонять чашу весов в свою сторону. Но вырвавшийся на эмоциях крик Брускова повис в воздухе на какой-то миг, застыв над ошарашенной площадкой:

– Соберитесь, тряпки!!!

Этот горячий призыв взорвал внутренний атомный реактор команды, оказался вторым дыханием, катализатором, раскрепощением и мобилизацией оставшихся сил.

– Бросайте по воротам. Бросайте из любого положения, когда можно и когда нельзя, не бросая по воротам гола не забить, – вторил ему, как будто вышедший из стопора Подлегаев.

В школе мы изучали, что «... декабристы разбудили Герцена, а Герцен развернул революционную агитацию...». У нас же всё произошло строго наоборот – Брусков с Подлегаевым развернули революционную агитацию, а Казаков и Страхов, как проснувшись, вколотили по красивейшему голу, снова восстановив равновесие в счёте, но уже с нашим моральным перевесом.

– По воротам! Всё по воротам! А там разберёмся, – как заклинание твердил Андрей Николаевич, привязывая к себе защитников «Тучи», создавая жёсткую борьбу на пяточке и закрывая видимость вратарю.

Детский максимализм, как в Косино, с головой накрыл ледовую площадку в Олимпийском. Рубка на пяточке перед воротами противника пошла не на жизнь, а на смерть. С трудом выброшенная шайба полетела по бортику, но я, не часто выдвигающийся вперед, поймал её на синей линии, закрыв зону, не дал ей выскочить из зоны нашей атаки.

– Бросай сам!!! – вскочив на скамейке запасных, закричали гусары из Олимпийского комплекса не мне, а тому неугомонному мальчишке, застывшему в замахе на Косинском озере. «Бей же, бросай!!!» – в унисон вторили пацаны с Косинского озера замершему с занесённой для броска клюшкой седовласому ветерану на ледовой арене Олимпийского комплекса. Этот миг переплёл вокруг шайбы всю мою жизнь, сжав воедино пространство и время, кристаллизовав всю жизненную нацеленность от замаха до замаха. Ломая все предрассудки, боязнь и неуверенность, я спустил натянутую, как нерв, тетиву, совершив тот мощнейший бросок, для которого замахнулся тогда в необозримо далеком детстве на Косинском озере, отложив этот гол на долгие-долгие сорок с лишним лет.

И, как всегда, звучала музыка. Хоккей и музыка неразделимы. Но только не издевательски баянный «Дождик», а великий Владимир Семёнович Высоцкий, во всю мощь своего голоса, разрывая в клочья поющую душу и выплёскивая из неё на Божий свет все переполняющие восторженные чувства, трубит громом неземного оркестра, обращаясь к нам, хоккеистам родом из детства:

Пусть в высшей лиге плетут интриги
И пусть Канадским зовут хоккей,
За нами слово. До встречи снова!
А футболисты, – до лучших дней...

